

ФЭЛИЯ МОР

ОХОТА НА
МУДРЕЦОВ

неизданное

16+

Дэлия Мор

Охота на мудрецов. Неизданное

Серия «Цзы'дарийцы. Наилий», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39435400

SelfPub; 2018

Аннотация

В сборник вошли три повести:1. "Предыстория" – история знакомства Дэлии и Наилия до начала событий, описанных в книге "Охота на мудрецов".2. "Публий и Поэтесса" – история знакомства и любви между капитаном Публием Назо и мудрецом Поэтессой.3. "В печали" – история трех дней побега Дэлии в четвертый сектор, рассказанная Наилием, Публием и Флавием. Обложка создана Екатериной Фолк

Содержание

Предыстория	4
Глава 1. Знакомство	4
Дэлия	4
Глава 2. Наши маски	17
Наилий	17
Глава 3. Лучше, чем реальность	29
Дэлия	29
Глава 4. Диагноз	43
Наилий	43
Глава 5 . Побег	57
Дэлия	57
Глава 6. Осенний бал весной	70
Наилий	70
Дэлия	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Предыстория

Глава 1. Знакомство

Дэлия

С утра все санитары бегают, запинаясь об дронов-уборщиков. Наверное, что-то случилось, но нас не посвящают в подробности. Режим дня сломан, и вместо того, чтобы смотреть утренние новости в общей комнате, мы с Поэтессой сидим в палате и скучаем. Тяжело находить новые темы для разговоров, когда каждый день братом-близнецом похож на предыдущий. Одни и те же стены, одна и та же больничная форма. Поэтесса рассказывает старую легенду об эдельвейсе. Хрупком цветке, растущем высоко в горах. Гордая красавица сказала, что подарит свое сердце только тому, кто принесет ей эдельвейс. Много было поклонников, бросились они карабкаться по скалам и прыгать через пропасти. Одни разбились, другие повернули обратно. Циклы сменяли друг друга, а девушка оставалась одинокой.

– Все звезды такие, – вздыхаю я. – Если любить, то генерала. И чтобы не сразу отдаться, а вдоволь помучить. Так це-

нить станет выше. Дорогие подарки, красивые платья, балы, приемы, торжественные вечера.

– В этом их счастье, Мотылек, – сдержанно улыбается Поэтесса, – их способ реализовать себя и свою красоту.

– Продать себя подороже, – ворчу я сквозь зубы, – когда мужчину выбираешь по званию, чем выше, тем лучше, то о какой любви может идти речь?

– Ты несправедлива к ним. Они тоже растут и тянутся вверх...

– Только идеалы у меня с ними не совпадают, – обрываю разговор и встаю с кровати. Меряю шагами крошечную палату на двоих. Два шага к окну и три к двери. У изголовья кровати тумбочки, где хранятся личные вещи по списку разрешенных. Зубная щетка, расческа, заколка для волос, бальзам для губ, влажные салфетки. Список номер два специально для женщин. В закрытом медицинском центре на секретном военном объекте нас всего две. Неизвестно почему, но большинство мудрецов мужчины, а среди военных женщин нет в принципе. Мы с Поэтессой девятый месяц живем в одной палате, ходим в туалет для персонала и моемся в душе главного врача. Старший санитар проявляет заботу, изобретая отдельные бытовые условия. Можно подумать кого-то здесь волнуют наши с Поэтессой обнаженные тела.

Я младше своей соседки на двадцать циклов, но суммарно за стенами психиатрических клиник провела больше времени. Здесь почему-то принято этим гордиться. Создатель счи-

тает, что чем дольше длится переходный кризис, тем сильнее потом становится мудрец. Плевала я на мудрецов, способности и прочую ерунду из теории Создателя. Мы все обыкновенные сумасшедшие с соответствующими диагнозами. Длинными и по-своему поэтичными, но свой я называю коротко – шизофрения.

– Не мельтеши по палате, пожалуйста, – ласково просит Поэтесса.

– Раздражаю?

Мудрец вздыхает и опускает кудрявую голову. Смотрю на упругие завитки и завидую. Мои патлы сколько не накручивай – распускаются. Висят безжизненными сосульками, хоть налысо голову брей. А Поэтесса, когда расчесывает меня, восхищается, что ровные и гладкие, чем злит еще больше. Раздражаюсь так, что пальцы начинают дрожать. Плохо. Увидит кто-нибудь из персонала, пожалуется лечащему врачу, и будет мне очередная задушевная беседа. Не хочу! Зло стучу кулаком по кнопке замка на двери, и он неожиданно открывается.

– Стой, не ходи! – шипит в спину соседка, но я переступаю порог.

Плевать на неожиданных гостей, правила и запреты! Карцер, так карцер. Там хотя бы успокоиться можно в тишине и одиночестве. Делаю два шага по коридору и замираю. Цзы'дариец в черном военном комбинезоне стоит, прислонившись плечом к стене, и водит пальцами по планшету. Хмурый,

сосредоточенный и застывший, как на плакате. Том самом, что висел у меня в детской комнате с одиннадцатого цикла. Без имен и лозунгов, просто фотография генерала пятой армии. Я четыре цикла просыпалась и видела его лицо. Строгий взгляд голубых глаз, веснушки, длинную челку, зачесанную на бок, и тонкий шрам под левой бровью. Невероятно. Это не может быть он! Картинка смазывается и уплывает, а я качаюсь, хватаясь за стену. Надо успокоиться и потерпеть. Подождать, пока туман в глазах рассеется, и морок исчезнет. Дожила до зрительных галлюцинаций! Дыши, Мотылек, все хорошо.

Но видение не пропадает. Мужчина поднимает взгляд и снова застывает. Серый силуэт в тусклом освещении коридора. Молчаливый и безжизненный. Призрак или дух, явившийся прямо из ночных кошмаров. Я сплю? Бывают же такие яркие сны. Поэтесса с разговорами, суета санитаров. Кстати, где они? Почему так тихо? Вот и доказательство. Нужно проснуться.

Я щипаю кожу на руке через ткань рубашки до острой боли. Уже тяжело терпеть, но ничего не происходит. Галлюцинация с лицом генерала хмурится еще сильнее. Издевается? Потеряв терпение и остатки выдержки, я решительно иду к нему и выбрасываю вперед руку. Сейчас пальцы пройдут сквозь ткань форменного комбинезона и упрутся в стену. Никакого генерала здесь нет!

И ведь почти получилось. Когда ладонь легла ему на пле-

что, мне показалось, что я поймала пустоту, но нет. Цзы'да-риец передо мной вполне живой и настоящий.

– Мотылек!

Старший санитар выходит из полумрака коридора. Пыхтит от злости так, что скоро взорвется. На меня пыхтит. Перед офицером он вытягивает спину и глухо бормочет, что виноват. Сейчас все исправит. «Ваше Превосходство?» Почему старший санитар обращается к офицеру именно так?

– Я приказал всем оставаться в палатах! – шипит Децим, грубо схватив меня за локоть и оттаскивая обратно к двери. – Почему ты в коридоре?

А мне не до разгневанного надзирателя, я смотрю на генерала и не могу взгляд отвести. Сознание разваливается на части, не в силах принять увиденное. Может быть, не он, просто сильно похож, а я перепутала? Забыла за столько циклов. Но ведь шрам! И веснушки. Децим заталкивает меня обратно в палату прямо к испуганной Поэтессе.

– Мотылек, ты в карцер захотела?

Старший надзиратель не кричит, он «громко говорит сквозь стиснутые зубы».

– Зачем в карцер, лейтенант Вар? – спокойно спрашивает Поэтесса, пряча меня за спину. – Что такого ужасного она натворила?

– Она тыкала пальцем в генерала!

– Какого еще генерала? – фыркает мудрец.

– Нашего! Наилия Орхитуса Лара! С утра весь центр на

ногах. Генерал приехал! Смотры, построения, экскурсии. У меня мозоль на языке от бесконечных рассказов. Доказываю Его Превосходству, что никакие мудрецы не психи, что у вас способности, и вы только немного странные. Пока врачи речи с трибуны толкали, генерал вышел из зала поговорить по телефону. Долго его не было, я пошел проверить, не случилось ли чего, и что увидел? Стоит наш распрекрасный Мотылек и генерала по плечу гладит!

– Вы уж определитель, лейтенант Вар, пальцем тыкает или по плечу гладит, – строго выговаривает Поэтесса.

– Да какая разница?!

– Децим.

Старший санитар замолкает и, втянув голову в плечи, обращивается на тихий голос от двери палаты:

– Ваше Превосходство...

Генерал стоит в проеме двери и рукой показывает на считыватель:

– У тебя замок не исправен, смотри, срабатывает на меня, хотя не должен в палату пропускать. Разберись.

– Есть, – коротко отвечает лейтенант Вар и уходит из палаты. За техником, разумеется, сам он в электронных замках не разбирается. Генерал провожает его взглядом и поворачивается к нам. От стыда мне хочется прямо сейчас провалиться на первый этаж к мудрецам-единичкам. Там мне самое место. В общей плате на койке в ремнях и под препаратами. Какой же душой я себя выставила! Настоящей сума-

шедшей.

– Ваше Превосходство, – с достоинством произносит Поэтесса и слегка улыбается. Повторяю за мудрецом слабо и пискляво. Опустив взгляд, вижу только наши с ней ноги и больше ничего, а в нескольких шагах от меня стоит генерал. Один из двенадцати правителей планеты. Командующий легионами, летающий к звездам на огромных космических кораблях. Между нами не просто пропасть, а целая бездна. И я тыкала пальцами в его плечо, чтобы проверить, не померещился ли мне Его Превосходство. Трижды дура.

– Дарисса, прошу меня простить, – тихо говорит генерал, – за столь странное знакомство в коридоре.

Ощущение нереальности накрывает с головой. В углах комнаты собирается белесая дымка, а очертания предметов теряют четкость. Понимаю, что до боли вцепилась в плечи Поэтессы, только когда она с силой дергает меня за руку.

– Это вы... меня простите, – с трудом выталкиваю первое, что приходит в голову. Слабость в ногах и шага не позволяет сделать, но Поэтесса бедром выталкивает меня из-за своей спины вперед. Еще и рукой между лопаток давит для ускорения. Взгляд я по-прежнему не поднимаю, поэтому приближение генерала угадываю по звуку шагов.

– Предлагаю начать сначала, – голос у полковника красивый. Мягкий и обволакивающий. – Зовите меня без обращения. Просто Наилий. А я могу узнать ваше имя?

Рассматриваю черные носы его военных ботинок. Чистые,

без единой царапины. Потом штанины форменного комбинезона, расшитые карманами по всей длине, белый ремень, складной боевой посох, бластер. Генерал вооружен всегда. Говорят, что даже дома так ходит. Поднимаю глаза до уровня груди и замираю.

– М-мотылек.

Мычу, мямлю и краснею, как переволновавшаяся на экзамене курсистка. Руки складываю за спиной в замок и борюсь с желанием уйти назад, вглубь палаты. Наверное, виновата харизма генерала, яркая и мощная, как у всех правителей, но я не могу посмотреть ему в глаза.

– Ваше имя дарисса, – терпеливо повторяет он.

Втягиваю голову в плечи, болезненно сглатываю слюну и молчу.

– У нас нет имен, Ваше Превосходство, – приходит на помощь соседка. – Мы называем друг друга по способностям. Конспиролог, Маятник, Создатель, Поэтесса, Мотылек.

– Вы пишете стихи? – спрашивает генерал.

Поэтесса выдыхает. Чувствую волну тепла от нее и знаю, что улыбается сейчас.

– Сочиняю иногда. То прошлое вижу, то будущее.

– Да, я уже знаю. Редкий дар, берегите его. А почему Мотылек?

Соседка ободряюще гладит меня по плечу и отвечает:

– Легкая, светлая, юная. Ищет себя, как мотылек ищет свет.

– Насколько юная?

– Двадцать первый цикл, Ваше Превосходство.

Неприятно, когда вот так обсуждают, даже если не говорят ничего плохого. Будто я манекен в витрине магазина. Хотя сама виновата. Стою, молчу. Пока собираюсь с духом, чтобы ответить, дверь в палате снова открывается:

– Ваше Превосходство, коллегия можно отпускать? – вежливо интересуется главный врач.

– Нет, я сейчас приду, – отвечает генерал и я, наконец, решаюсь посмотреть на него. Строгий и отстраненный, но взгляд цепкий. Настолько, что теперь я, наоборот, не могу от него оторваться. И удивительно, что чем больше смотрю, тем слабее становится страх. Я половину жизни любила придуманный образ, и теперь он стоит передо мной. Живой и настоящий. Такой, каким и вообразить не решалась. Силой от него веет, решимостью, злостью. А внутри, будто тьма клубится. Холодная и бездушная. Эталонный правитель. Очень правильный.

– Рад был познакомиться, – сухо говорит генерал и прощается, слегка наклонив голову.

Дверь за ним закрывается со щелчком, а у меня за спиной вздыхает Поэтесса:

– Ох, какой мужчина.

– Да уж.

Сажусь на кровать и поджимаю под себя ноги. От нервов озноб разбирает. Если не успокоюсь, ночью снова уви-

жу кошмары. Не глотать же транквилизатор из-за того, что неожиданно столкнулась в коридоре с генералом?

– Это на него похож твой дух-паразит? – не понимается Поэтесса.

Тоже садится на кровать и достает расческу.

– Да.

«Разве похож?» – немедленно раздается голос в моей голове. Вспомнили про него, явился.

«Точная копия».

«У меня нос короче и уши не так торчат».

Причина моего диагноза. Воображаемый друг, которого вижу и слышу только я. В истории болезни упомянут под своим именем – Юрао. Когда я впервые осознала, что часть моих мыслей – вовсе не мысли, а чужой голос. То, чтобы не сойти с ума, как могла облекла его в форму. Представила живым цзы'дарийцем. Таким, как единственный образ, что был в тот момент перед глазами. Плакат с портретом генерала висел на стене в моей комнате. Я влюбилась в него совсем маленькой девочкой и вот мы все встретились. Настоящий генерал, вымышленный и я, влюбленная в того, кто остался на плакате. Беда.

– А ведь он смотрел только на тебя, Мотылек, – с тоской говорит Поэтесса, расчесывая кудри.

– Смешно ему было, вот и разглядывал, – огрызаюсь я. – Какой глупый маленький зверек.

– Нет, я согласна, что ты молодая и глупая, но смотрел он

на тебя, как на женщину.

Громко фыркаю и закатываю глаза.

– Зря не поднимала взгляд, – добавляет Поэтесса. – Тоже бы заметила.

– Бред, – качаю головой. – И давай больше не возвращаться к этой теме. Я узница психбольницы. Вся моя жизнь – кровать, тумбочка и туалет. Здесь нет места влюбленности, отношениям, семье. Это невозможно. Так зачем мучиться, мечтая о том, чего никогда не будет?

Говорю спокойно, но соседка поджимает губы и отводит взгляд. Задела ее. Напомнила еще раз, что смерть бывает и с открытыми глазами. Тихая, однообразная, когда каждый день похож на предыдущий.

– Рано тебя забрали, Мотылек, – вздыхает Поэтесса. – Что такое пятнадцать циклов? Ничего. Вся жизнь была впереди. Полюбила бы, узнала, каково это быть с женщиной. Ненадолго, конечно, но хоть было бы, что вспоминать.

– Мне и так есть, что вспомнить, – пожимаю плечами. – Например, как в Центр приезжал генерал, и я приняла его за галлюцинацию. А прожить можно и без любви. И уж тем более без близости с женщиной.

– Ты не права, но я спорить не буду, – ворчит мудрец. – Главное, Его Превосходству так не скажи при следующей встрече.

Дергаюсь и пристально смотрю на Поэтессу. Когда про- рок, стихами записывающий предсказания, говорит нечто

подобное, то отмахиваться и пропускать мимо ушей уже не получается.

– Ты что-то написала? Когда? Покажи.

– Нет, – качает головой мудрец. – Тут не нужен дар, достаточно женской интуиции. Говорю же, смотрел он на тебя по-особенному. С интересом.

Хочется зло сплюнуть прямо на пол. Из мудрецов в звезд превращаемся с такими разговорами. Тем тоже страсть как интересно, кто на кого посмотрел и будет ли что-нибудь между ними.

– Генералы любят чистых и невинных, – продолжает Поэтесса.

– Ты поэтому про мой возраст сказала? – цежу сквозь зубы и раздражаюсь все сильнее. – Знаю, почему любят. Глупая телегония, утверждающая, что потомство женщины будет похоже на ее первого мужчину. Давно опровергли, но генералам отчего-то нравится. Дай им волю – всю планету заселили бы своими детьми. Сколько нилотов у каждого? Интересно, прошение о праве зачать нилота действительно существует? Всех претенденток внимательно проверяют и требуют, чтобы девственницей была? Как в недоразвитых цивилизациях скот выбирают для спаривания.

– Не заводись, Мотылек, – примирительно улыбается соседка, – твое прошение о праве зачать от генерала все равно отклонят. Диагноз.

Проклятый психиатрический диагноз, превращающий

меня в генетический отброс. Медленно выдыхаю и считаю про себя. Невроз скоро пройдет, я справлюсь сама. Лишь бы ночью не вернулся, я устала просыпаться от крика. И Поэтессу мучаю, хотя она не пожаловалась ни разу.

– Мотылек, – зовет старший санитар, просунув голову в открывшуюся дверь, – на выход.

– Куда?

Могла не спрашивать. Весь о моем отвратительном поведении дошла до главного врача, и меня ждет устное порицание. Надеюсь, карцер не заслужила, но это на усмотрение лечащего врача. Могут и как рецидив записать в рапорте. Одергиваю рубашку и подхожу к двери.

– Генерал зовет, – хмуро сообщает Децим Вар, а у меня пропадает дар речи.

– Быстро, – усмехается Поэтесса. – Иди, Мотылек.

– Только без глупостей, – предупреждает старший санитар, выпуская меня в коридор.

Да куда уж теперь. Буду тише больного в кататоническом ступоре. Вот у кого нет проблем с дисциплиной.

Глава 2. Наши маски

Наилий

Кабинет главного врача объекта ди два лямбда пять обставлен роскошнее, чем хозяину полагается по званию и должности. Нужно дать задание Рэму проверить финансовую отчетность капитана Дара. Копать всегда есть куда, а тут такой повод.

– Ваше Превосходство, – капитан нервничает, покручивая костяшки пальцев, – давайте учитывать специфику. Это все же пациенты, а не ученые с лабораториями и ассистентами. Мудрецы все знания держат в голове и очень неохотно делятся наработками.

– Психиатры вам на что?

Главный врач опускает плечи. Знает все свои недоработки, но не может найти достойное оправдание. Хорошо хоть не пытается спихнуть вину на личный состав.

– Персонал делает все возможное...

– А результатов нет.

То есть их нет вообще. Деньги и время тратятся впустую. Летум Дар должен отвечать за это, но он уходит в глухую оборону. Сидит нога на ногу и не отрывает взгляд от план-

шета на столе. Экран неактивный, что он там пытается рассмотреть? Свое отражение?

– Ваше Превосходство...

Когда собеседнику нечего сказать, я всегда слышу обращение ко мне. Оно достаточно длинное, чтобы потянуть время и собраться с мыслями. Летум сглатывает слюну и продолжает:

– ...выкладки Маятника идут под запись, Создатель недавно сформулировал тезисы теории, стихи Поэтессы тщательно изучаются, Конспиролог регулярно составляет обзоры.

Да, я в курсе способностей мудрецов. Маятник и Создатель – две надежды на прорыв за пределы традиционной науки. Но я не могу выпустить их теории из-под грифа «совершенно секретно», потому что они недоказуемы. Слишком сильно напоминают бред сумасшедших. Все термины, определения, предположения без перспектив практического применения. Нет поля для экспериментов, нет методик, формул, расчетов. Голые фантазии. Философские трактаты, в плен их к гнaroшам.

– Мотылек что-нибудь пишет? – уточняю про еще одного мудреца на этаже, и Летум пальцем оттягивает ворот рубашки. Вспотел? Из-за чего?

– Иногда, но больше рисует. Схемы, графики...

– Подробнее.

У главного врача краснеет шея от скачка артериально-

го давления. Любопытно. Чувствую, что не зря я зацепился за юную дариссу. Еще и старший санитар отговаривал от встречи с ней. «Единичка, ничего интересного, Ваше Превосходство». Сейчас приведут, и посмотрим, отчего нервничает главный врач.

– Она видит эмоциональные связи между цзы’дарийцами, – нехотя поясняет Летум. – Дружба, соперничество, симпатию, преданность. Может определить интенсивность и даже проследить динамику.

– Это как?

Выдержка капитана Дара слабеет от внутренней борьбы. Все больше и больше внешних признаков тихой истерики прорывается наружу. Теперь голос вздрагивает и взгляд мечется.

– Мотылек может рассказать, кто с кем дружил, как часто общались и когда виделись в последний раз. Но пусть лучше сама пояснит. Ваше Превосходство, мудрец Мотылек...

– Мы знакомы.

Поднимаюсь из кресла навстречу худенькой и хрупкой дариссе. Больничная форма свободно болтается на ней, и я на мгновение забываю, зачем я здесь. Представляю тонкий стан под грубой материей, плавный изгиб бедер. Легкая, невесомая. Действительно, мотылек. Стоит посреди кабинета каплей белой краски. Руки сжимает в кулаки, а взгляд не поднимает. Так сильно меня боится? Или я ей неприятен?

– Мотылек, – обращается к ней главный врач, – покажи

Его Превосходству, что ты умеешь.

Она резко оборачивается на звук голоса и молчит. Преображается прямо на глазах. Распрямляются худые плечи, вытягивается струной спина. Мудрец смотрит на меня и ощущения меняют цвет, белое превращается в красный. Я не вижу, но чувствую, как в ней поднимается жар от живота до груди. Еще немного и вырвется наружу ярким пламенем, но Мотылек закрывает глаза и гаснет.

– Слишком... много, – шепчет она и качается вперед.

Ко мне качается, а я вместо того, чтобы подхватить, стою на месте, как дурак. Жду чего-то. Летум бросается к ней через весь кабинет, но мудрецу уже не нужна помощь.

– Я справлюсь, – отмахивается она. – Нужен физический контакт. Ваше Превосходство, вы позволите?

Смутно догадываюсь, зачем ей это. У других мудрецов так способности проявляются ярче. Интересно. Она поэтому трогала меня в коридоре за плечо? В тот момент, словно током ударило. Разрядом статического электричества от одежды. Во второй раз будет так же?

– Исключено, – хмурится главный врач, – прикасаться к Его Превосходству нежелательно.

Глупость. Будто я болен чем-то заразным.

– Почему нет? – спрашиваю и понимаю, что голос вздрагивает. Странно. – Можно, если это нужно для дела.

– Нужно, – эхом повторяет Мотылек и смущается.

Никогда не считал скромность главной женской добродетелью.

тельно. Слишком легко ее подделать. Но тут, кажется, другое. Мудрец всерьез меня боится. Жаль. Не настолько я стар и злобен, чтобы пугать юных дарисс.

Подхожу ближе и беру Мотылька за руку. Пока раздумываю, уместен ли поцелуй вежливости, мудрец закрывает глаза и замирает. В кабинете становится так тихо, что я слышу биение сердца. Снова ощущаю жар и понимаю, что в первый раз мне не показалось. Есть у нее что-то внутри. А холодность и скромность – просто футляр, куда она, живая и настоящая, спряталась. Женщины часто так делают. Иногда я ненавижу их за это.

Вокруг меня слишком много масок. Особенно на лицах женщин. Они носят их, чтобы казаться неприступнее ледяных вершин гор. Доказать, что чем-то отличаются от других, намекнуть на тайну внутри. Но стоит снять с такой красавицы платье, и обнажается пустота. Голодная до внимания, подарков, выходов в свет. И сколько не отдавай, никогда не будет достаточно. Женщина-богиня, жадная до поклонения. Черная дыра, засасывающая в себя все, что попадает на пути. И я рядом с ней не больше, чем слуга, обязанный исполнять капризы.

Раздражился, надо же. Задело одно, а вывод получился совсем о другом. И обдумывал я его так долго, что выпал на мгновение из реальности. Хорошо, наверное, смотрелся рядом с мудрецом. Два одинаково пустых и отрешенных выражений лица. Пациент психиатра и генерал.

– Вы недавно поругались с лучшим другом, – говорит Мотылек, открывая глаза. – Агрессия выплеснулась. Долго дружите и часто дрались, но теперь все как-то по-другому. Потому и неприятно. Хотя буря улеглась, насколько я вижу. Наладились отношения. У друга высокий лоб, заостренный нос и волосы растут вот здесь.

Мудрец ведет пальцем от виска вниз до подбородка, а я вспоминаю размолвку с Марком. Не схватились за посохи только потому, что на разных материках в тот момент были. Все она верно сказала и Сципиона описала, как смогла.

– Такие волосы, растущие от висков по щекам, называются бакенбардами, – поясняю ей, – друг старомоден.

Мотылек улыбается, довольная, что у нее получилось, а главный врач украдкой вытирает испарину со лба. Если мудрец видит такие подробности, то и про Летума могла что-то рассказать, но не стала. Либо умная и благородная, либо у них свои игры.

– Благодарю, впечатляет, – киваю главному врачу, давая понять, что разговор окончен, и дариссу можно отпускать. Она исчезает из кабинета с поспешностью помилованного.

– Необычные способности, – говорю, возвращаясь обратно в кресло для посетителей.

– Жаль только, что практической пользы от них мало, – улыбается Летум и разводит руками.

Усмехаюсь, думая о том, что не бывает бесполезных солдат, а бывают неумелые командиры. Своевременная мысль,

на самом деле. К чему делать крайним капитана Дара, когда я сам за полцикла впервые приехал сюда? Однако за свои злоупотребления и разгильдяйство личного состава он должен ответить.

– Почему женщины живут в тесноте?

Обычный вопрос, а капитан Дар снова нервничает сильнее, чем положено.

– В-ваше Превосходство, – произносит он с запинкой и переводит дух, – помещений недостаточно.

– В самом деле? – выразительно обвожу взглядом огромный кабинет Летума. – Где план здания?

Главврач бледнеет, а я чувствую себя рыбаком. Улов еще не видно под гладью воды, но леска уже натянута так, что скоро лопнет. Интересно, Летуму хватит на строгий выговор с занесением в личное дело или нет? Главврач выводит план здания на экран планшета и отдает девайс мне. Не помню наизусть нормы по площади, но вижу, что была перепланировка. Палаты у пациентов уменьшились, а кабинеты врачей и служебные помещения увеличились. Так мелко. Зачем?

– Карцером на этаже двоек часто пользуетесь? – спрашиваю, увеличивая фрагмент плана, и возвращаю планшет капитану.

– Нам по Инструкции положено два карцера на такое количество пациентов, – Летум хватается за привычный якорь и в голос возвращается уверенностью.

– Я спросил, как часто вы им пользуетесь.

Сбиваю оправдательный порыв на излете. Капитан замолкает, а потом выдает:

– На этаже не все двойки. Мотылек – единичка. Молодая, нестабильная пока, бывают срывы.

Упоминание о срывах юной дариссы отзывается неприятным холодом. Я с трудом верю в психиатрические диагнозы мудрецов, а безумие Мотылька выглядит совсем неправдоподобно. Она умна, собрана и адекватна. Всерьез относится к тому, что делает. Нет в ней пустоты и отстраненности ушедшего в свои фантазии психа. И маниакальной жажды деятельности с навязчивыми идеями тоже. А тут вдруг срывы, карцер...

– Вот и поселите ее в карцер, – холодно отвечаю я, а капитан Дар шокировано оседает в кресле, – только ремонт там сделайте, чтобы не ходила в один душ с мужчинами на этаже. И Поэтессе свободнее станет.

– Есть, Ваше Превосходство, – чеканит главврач и смотрит на меня выжидательно. Да сиди уже в своем кабинете, не трону, пока ведомство Рэма финотчетность не посмотрит.

– На этом все, капитан. Вопросы?

– Никак нет, – бодро отвечает Летум, и мы прощаемся. На парковку к катеру иду, почти не глядя под ноги. Открываю крышу кабины и ныряю в кресло с облегчением. Прохлада кожаной обивки успокаивает, ладони сами ложатся на полусферы управления. Плевать, что летаю один и без охраны, пусть Рэм подавится своей паранойей. Покушение, пре-

дательство. Устал я, издергался, могу хотя бы в воздухе побыть без надзора? Завожу двигатель и вращаю правую полусферу, набирая высоту. Из динамиков механический голос робота сообщает, что я покидаю объект ди два лямбда пять, а слышится совсем другой голос. Певучий и мелодичный. Даже дрожь испуга его не портит. Мотылек.

Легкая, невесомая. Такая тоненькая, что в руки брать страшно. Сломаю. Выгибается подо мной и стонет так сладко. Кожа бархатная, пахнет яблоком. Не сдержусь. Уже нет. Слишком сильно завелся. Снимаю с нее разодранную на лоскуты больничную рубашку. Ножом резал? Зубами рвал? Не помню. Тело чистое: ни синяков, ни ран. Значит я – это все еще я. Надолго ли? Шепчет мое имя, зовет. Обнимает крепко. Волосы ее шелком сквозь пальцы. Наматываю на кулак и дергаю. Не больно, не надо крика. Только чтобы рот открылся за глотком воздуха или поцелуем. Укусы вместо ласки. Так как умею без крови и следов. Бьет-ся в моих руках. Не пуцую. Моя. Ремень на шее затягиваю. Не бойся... Не бойся меня...

Из сна выбрасывает в черноту ночи. Стекла наглухо затемнены, и, кажется, что ослеп. Ладонями тру лицо, пытаюсь взбодриться. Кхантор бэй, давно не мальчишка, чтобы снами

о близости мучиться! Окаменел в паху, трогать страшно. Интересно, если патрульный катер на горный материк послать, к утру вернется? Тьер, долго. И Юлия не полетит. Обижается, характер показывает. Морова порода. Вся в отца. Начнет грызть – не успокоится, пока не доест. Таблетки у меня в комбинезоне или в тумбочке? Тьер, в бездну таблетки! Сам успокоюсь. Буду лежать тихо, и все пройдет.

Куда там. Перед глазами тонкая фигура в белой одежде. Мотылек. Легкая, невесомая. Проклятье, я уже сочиняю повод еще раз прилететь к мудрецам. Скорей бы Рэм нарыл что-нибудь на главврача, хотя зачем мне присутствовать на повторной проверке? Служба финансовой безопасности сама разберется. Поехать за теориями мудрецов? Все в файлах есть, прочитать с планшета можно. Ин дев ма тоссант, просто так полечу, имею право! Но тогда каждому санитару станет понятно зачем. «С жиру бесится генерал, всех нормальных женщин перебрал, на сумасшедших потянуло. Придумал же, где искать себе любовницу».

Сам не заметил, как гарнитуру на ухо повесил. Спит Публий или дежурит? Плевать, разбужу!

– Публий.

– Наилий? Что случилось?

Заспанный голос. Зевает капитан и меня провоцирует. Закрываю рот рукой и отворачиваюсь в подушку от камер. Охрана ночью бдит. Генерал проснулся! Целое событие. От любопытства уже все глаза проглядели. Не зевнуть, не поче-

саться.

– Узнать для меня можешь кое-что по твоей медицинской части?

– Прямо сейчас? Ты на часы смотрел?

Ворчит капитан, но матом еще не ругается, значит, успею просьбой озадачить.

– Пациентка одна есть. По бумагам вроде бы шизофреник, но я сомневаюсь.

– Раз диагноз стоит, значит, шизофреник, – твердо говорит Публий.

– И все-таки. Мне шумиха и коллегия ваша с расследованием не нужна. Но если лечащий врач ошибся, просто скажи мне об этом.

Думает Публий. Про врачебную тайну вспоминает, Инструкцию в уме перелистывает. Так заковыристо сейчас в бездну пошлет, что и правда идти придется.

– Зачем тебе это?

Тьер, хороший вопрос. Зачем? Мало ли женщин обнаженных снилось. Сколько их было и сколько еще будет, но не идет девчонка из головы. Несуществующие боги, она – мудрец. Сумасшедшая! Всех насквозь видит и меня в том числе. Про ссору с Марком из-за его дочери узнала, значит, остальное видела. И не жалости, ни брезгливости. Ничего в ней не изменилось, только глаза в пол и «Ваше Превосходство». Умом понимаю, что безразличен, но как же хочется, чтобы было иначе.

– Узнай, пожалуйста. Мудрец Мотылек. История болезни...

– Не нужна мне история, – обрывает Публий, – ровно там все и красиво. Как ее лечащего зовут?

– Луций Квинт.

– Хорошо, я поговорю с ним, а ты спи, Наилий.

– Спасибо.

– Не за что пока. Отбой.

Снимаю с уха гарнитуру и откладываю на тумбочку. Спать. И пусть уж лучше гнароши снятся, в боевом порядке марширующие по плацу.

Глава 3. Лучше, чем реальность

Дэлия

Три дня как в тумане. Бесконечный марафон по коридорам, даже санитары не трогают, косятся, но не трогают. Не до меня. В карцере ремонт затеяли. Поэтесса спрашивала, что там делают, раз уж я мимо хожу и могу посмотреть, но мне не интересно. Пусть делают, что хотят. Пусть со мной делают, что хотят, все равно. На кризис не похоже – плакать не хочется, просто плохо. Луций допытывается, что случилось, а я не знаю. Лучше бы генерал никогда не приезжал. Так и остался лицом на плакате, духом-паразитом у меня в голове. Я думала, что понимаю правителей. Рассматривала привязки главного врача и старшего санитаря. Окуналась в их жизнь, насыщенную встречами и контактами. Друзья, родственники, любовницы, подчиненные, сюзерены, знакомые, малознакомые, любимые, родные, незаменимые. Столько лиц и связей. В десятки и сотни раз больше, чем у мудрецов. В сотни, но не в тысячи, как у генерала. Он – звездное небо по сравнению с одним единственным светилом. Океан рядом со стаканом воды. Песчаная буря. Он везде и от нее невозможно скрыться. Первый после всех несуществующих богов. Сам, как бог.

Дохожу до палаты и сажусь на кровать, обнимая себя руками. Замок так и не починили, можно пользоваться нежданной свободой. Поэтесса старается не гулять в неположенное время и меня отговаривает, но я упряма. Скоро замок закроется, и мой мир вернется в прежние границы. Я, как приговоренный, хочу вдоволь надышаться последним воздухом.

– На тебя больно смотреть, Мотылек, – с грустью говорит Поэтесса.

– Не смотри.

– Ну, давай поиграем немного.

– Давай. Я знаю хорошую игру. «Стань нормальным цзы'дарийцем». Только нужно выбраться отсюда и найти обычную одежду. Но главное, перестать видеть привязки и слышать шепот в голове.

Поэтесса опускает голову и горько усмехается. Тишина тянется густым сахарным сиропом, еще немного и застынет острыми кристаллами. Если я буду сидеть тихо, то не поцарапаюсь.

– Мотылек, на выход.

Вздрагиваю от голоса старшего санитаря, а в сознании теплится надежда. Генерал приехал! Пожалуйста, Вселенная, ты уже сотворила для меня чудо, подари еще одно.

– Стой! – хватает за рукав Поэтесса. – Дай я тебя причешу. И губы бальзамом намажь, а то высохли и потрескались.

– Некогда, – зло шипит Децим, – на выход!

Не хочу строить догадки. Новый осмотр, очередной офи-

цер с вопросами о личной жизни или службе? Не смогу сегодня работать, пустая. Один раз заглянула в генерала и выпила Юрао досуха. Молчит паразит, а без него совсем тоскливо. Коридор лентой тянется под ногами, стены ползут мимо. Я стараюсь не отставать от старшего санитара и меньше думать. Дышать. Так легче вытерпеть пытку ожиданием. Наконец, Децим останавливается возле двери на балкон и касается ладонью считывателя замка. Странно. Балкон для мудрецов закрыт категорически. Хоть и второй этаж, а спрыгнуть с него можно. Дверь распахивается, впуская в стерильный воздух медицинского центра запах впервые подстриженного в этом цикле газона. Травяной аромат мешается с вонью медикаментов, когда я прохожу мимо старшего санитара. Он выпускает меня на балкон, а сам остается за спиной. Прохладный ветер забирается под рубашку, но я вздрагиваю совсем не от него.

У перил ограждения стоит Наилий Орхитус Лар. Узнаю его даже не по нашивкам на погонах, а по прямой, как боевой посох, спине. Знаменитая генеральская осанка. В животе противно разливается тяжесть, а рубашка вмиг прилипает к вспотевшему телу. Сбежала бы, но Децим запер дверь. Я слышала характерный щелчок. Точно так же екнуло у меня в груди.

– Ваше Превосходство, – едва слышно приветствую я.

– Дарисса, – отвечает он и оборачивается.

Только сейчас замечаю, что глаза у полководца голубые.

Искрящиеся, как мороз. – И все-таки я прошу вас обходиться без обращения. Здесь не перед кем соблюдать официоз.

Даже без обращения имя у него длинное, с прозвищем и фамилией. На всю планету таких двенадцать – по одному на каждого генерала.

– Как же мне называть вас?

– Наилий.

Сомневаюсь, что смогу называть Его Превосходство по имени. Это как забраться с грязными ногами в чужую кровать. Обращение создает дистанцию, комфортную, прежде всего, для генерала. Нас миллионы вокруг, а он один. Но я попробую, раз уж Наилий этого хочет. Говорю и пугаюсь собственного писклявого голоса. До чего же ужасно звучит.

– Наилий... я могу для вас что-нибудь сделать?

Не просто так он приехал к мудрецу. Не для того, чтобы посмотреть на бледную моль. Дело у генерала, так же, как у всех остальных, кто приходил до него и придет после. Мудрецы нужны правителям только, как инструменты. Ради уникальной информации генералы, майоры, капитаны готовы закрыть глаза на наши диагнозы. И держать возле себя, обеспечивая минимальными условиями жизни. Как молоток в ящике.

Наилий приглашает сесть вместе с ним на скамейку. Места хватит для двоих, но я остаюсь на ногах. Страшно. И глупо. Не съест же он меня, в самом деле, и даже не покусает. Наверное. Генерал недовольно хмурится, но не настаивает.

– Насколько далеко простираются ваши способности? – спрашивает он, подтверждая догадку. – Вы сможете увидеть привязки по фотографии?

– Нет. Услышав голос по телефону, тоже не смогу. Я должна стоять рядом. Вот как сейчас с вами. Желательно касаться рукой или как-то иначе. Физический контакт.

Наилий хмурится еще сильнее. Молчит. Думает или подбирает слова? Личные вопросы нелегко озвучивать. Нужна открытость и уверенность, что я никому не разболтаю. Он из-за этого сейчас переживает? Неприятно становится. Будто я легкомысленная звезда с языком, как полотно на флагштоке. Понимаю, что такое личное пространство и чужие тайны.

– Как долго вы можете работать? – снова спрашивает генерал. Я недоуменно хлопаю ресницами, и он уточняет: – Сколько цыг'дарийцев сможете посмотреть за день?

Никогда не вела статистику и не проверяла своих пределов. Облако привязок я могу почувствовать всегда, но вот разглядывать лица по ту сторону нитей мне помогает Юрао. А он всегда голоден и быстро слабеет.

– Отделение больницы, я думаю, – неуверенно отвечаю, – а сколько нужно?

– Всех офицеров пятой армии начиная с капитанов и заканчивая полковниками, – сощурился глаза, выдает Наилий.

Чувствую, как балкон уходит из-под ног. Хватаюсь за стену и оседаю на скамейку. Генерал умеет ставить задачи. По

тому, как собран и напряжен, понимаю – не шутит. Несуществующие боги!

– Н-но зачем? – испуганно лепечу я, уставившись на полководца, неожиданно оказавшегося совсем близко.

– Я думаю, что среди них предатель, – тихо отвечает Наилий.

Ставлю локти на колени и кладу подбородок на сцепленные пальцы. Беру паузу на то, чтобы подумать. Никогда не интересовалась политикой, не вникала в игры правителей и слушала Конспиролога вполуха. Но если генерал пришел к мудрецу, значит, все остальное уже перепробовал. Я и так опозорила нас всех тем неловким знакомством в коридоре, если сейчас откажусь, то в голове Наилия появится вопрос: «А зачем вообще нужны мудрецы?»

Теоретически это возможно. Привязки всегда обоюдные и я могу смотреть только на генерала. Цеплять каждую нить и просить Юрао показать, кто привязан на другом конце. Однако привязок тысячи, работа растянется на несколько недель. Мы не успеем найти предателя до покушения. Нужно извернуться так, чтобы обойтись без паразита. Вживую увидеть всех, кто привязан к Его Превосходству. Тогда мне хватит нитей, протянутых между ними.

– Я должна взять за руку каждого офицера и заглянуть ему в глаза, – говорю Наилию и кусаю сжатый кулак. Что я делаю? Зачем соглашаюсь? Это безумие! Мне никогда не осилить такой масштабной работы!

– То есть их нужно собрать в одном помещении, – рассуждает вслух генерал, – и устроить масштабную проверку?

– Получается слишком подозрительно? – смущаюсь я.

– Да, можно спугнуть предателя.

Генерал отклоняется на спинку скамейки и закрывает глаза. Чувствую, как гаснет, замирает. Нет, он не спит. Наилей телом здесь, а мыслями нет. У мудрецов так часто бывает, но генерал – правитель. Что с ним происходит? Загадка мучает неизвестностью. Я тяну носом воздух, успокаиваюсь и ныряю в генерала. Проклятье! Это было опрометчиво. Ураган сметает меня, как пушинку с ладони. Подхватывает и уносит, едва не вытащив душу из тела. Падаю бесконечно долго в ледяную воду океана, и она смыкается над головой. Удушье давит до кашля. Пальцами раздираю горло и прихожу в себя. Тихо. Светило показывается из-за туч, ветер качает ветки деревьев. Наилей не двигается и не дышит, даже сердце стучит медленнее обычного. Больше никогда не буду работать с генералом, пока он думает!

– Я приглашаю вас осенний бал, дарисса, – говорит полководец, открывая глаза. – Там соберутся все офицеры, явка для них обязательна. Мы будем встречать их в главном зале. Я представлю вас, как свою женщину, и каждый мужчина согласно этикету коснется вашей руки поцелуем вежливости.

Выдыхаю и улыбаюсь. Ловко придумано, изящно. Вот только...

– Осенний бал через полцикла.

– Ради того, чтобы найти предателя, я перенесу его на весну, – твердо говорит генерал. – Надеюсь, двух недель хватит на подготовку.

Наилий оборачивается ко мне и берет за руку. Ладонь генерала грубая, с жесткими буграми мозолей. Представляю, за сколько часов тренировок с оружием они появились. Каждый день, цикл за циклом. Настоящий воин, а не политик, рассказывающий сказки с трибуны. Потому и молчит так часто. Не дышу и боюсь пошевелиться, пока Его Превосходство большим пальцем гладит меня по тыльной стороне ладони. Время замедляется, исчезают шорохи и звуки. Я согласна вечность сидеть вот так рядом с ним.

– Спасибо, дарисса, – шепчет генерал.

– Я еще ничего не сделала.

– Вы согласились. Догадываюсь, как нелегко вам придется, но прошу еще об одной мелочи.

Поднимаю глаза и люблюсь россыпью веснушек, длинной челкой, по-мальчишечьи зачесанной на бок.

– Имя Мотылек, бесспорно, вам подходит, – продолжает генерал, – но я не могу назвать его офицерам. Нужно что-то другое, обыкновенное, понимаете?

Нормальное, как у всех. Да, я понимаю и снова опускаю взгляд. Нужно как-то назвать себя. Ливия? Корнелия? Цецилия? Ужасно!

– Дэлия, – говорит Наилий, и я оборачиваюсь.

Он терпеливо ждет мою реакцию, не торопит, а я перека-

тываю имя на языке, пробуя на вкус. Дэ-ли-я. Не так кошмарно, как другие.

– Хорошо, – улыбаюсь в ответ, – пусть будет Дэлия.

Генерал тоже улыбается и тянет мою руку вверх, чтобы коснуться губами. Тот самый поцелуй вежливости.

– До встречи, Дэлия.

Так говорит, что у меня волна дрожи прокатывается по телу. Прячу глаза и забираю руку. Покраснела, наверное, как девчонка. Испуганно бормочу: «До встречи», и бросаюсь к двери. Успеваю трижды стукнуть кулаком прежде, чем Децим открывает. Проклятье, долго. Молча ныряю ему под локоть и почти бегу обратно в палату.

– Мотылек, что случилось?

Поэтесса вскакивает с кровати, едва меня увидев. Меньше всего сейчас хочется отвечать на вопросы. Слов не найду. Забираюсь в кровать с ногами и натягиваю одеяло до подбородка. Соседка садится рядом, придавливая край одеяла и мешая мне отодвинуться дальше.

– Я уже поняла, что генерал приезжал, можешь не рассказывать с самого начала.

Похвальная догадливость даже для пророка.

– У меня на лице написано? – не дергаюсь, мне, правда, интересно.

– Ты словно предсказание о завтрашнем конце света сделала, – выражается Поэтесса в понятных для нее терминах, – я не знаю, то ли водой тебя отпаивать, то ли Луция звать.

– Генерал ищет предателя среди офицеров, переносит бал с осени на весну и хочет, чтобы я за один вечер посмотрела всех военных в звании капитана и выше, – выпаливаю на одном дыхании.

– А я думала, вы там целовались, – разочарованно тянет соседка.

Собираюсь громко и возмущенно фыркнуть, но не получается. Вспоминается совсем не поцелуй вежливости, а момент, когда Наилий держал меня за руку. Так тихо было и уютно, что глаза сами собой опускаются, а от стыда становится жарко.

– Скажешь тоже, целовались, – шепчу я.

– А что-то было, да? – нетерпеливо ерзает Поэтесса. – Рассказывай!

– Вот теперь мы точно, как звезды, – выговариваю ей. – Готовится покушение на генерала, а тебя волнует, целовался ли он на балконе.

Мудрец прищуривает большие зеленые глаза и хитро улыбается:

– Допустим, на жизнь Его Превосходства регулярно покушаются. Черных привязок на смерть, как ты говоришь, больше чем достаточно. А вот на женщин, подобных нам с тобой, генералы крайне редко обращают внимание. Если вообще обращают.

Неприятно колет под грудью. Обидное, но правильное замечание. Кто я рядом с ним?

– Ему нужна только информация, – отвечаю резко и даже зло. – Быстро найду предателя и свободна. Один вечер и все.

Поэтесса кивает и улыбается, но не отстает:

– Так целовались или нет?

Закатываю глаза и шумно выдыхаю сквозь сжатые зубы:

– Нет. За руку держал...

Мудрец расстроено вздыхает, а я не понимаю, чего она ждала? Балкон секретного военного центра не самое подходящее место для романтики, а я не самая подходящая женщина. В конце концов, личная симпатия работает, как мощная мотивация. Влюбленная в генерала дурочка сделает гораздо больше, чем просто мимо проходящий мудрец. Гарантия лучшего результата. Но Поэтесса, кажется, слишком долго оторвана от нормальной жизни и теперь ей нужно верить в сказку. Она обнимает меня за плечи, заглядывает в глаза и спрашивает:

– Тебе хоть понравилось?

Не хочется ее расстраивать и врать нет смысла:

– Да.

– Ох, Ваше Превосходство, помогите мне, и так сводней себя чувствую, – стонет соседка. – Знаешь, Мотылек, у меня нет взрослой дочери, я понятия не имею, что нужно говорить в такие моменты и нужно ли вообще говорить, но ты уж не шарахайся от генерала, когда до дела дойдет.

Не очень понимаю, о каком деле идет речь, но раз уж говорим о поцелуях, то киваю и соглашаюсь. Несуществующие

боги, сейчас нафантазирую себе невесть что, поверю, потом плакать буду в подушку. Только нового витка кризиса мне не хватало. Чтобы ни спать, ни есть, ни дышать не хотелось. Почему-то кажется, что боль от абстрактной несправедливости жизни все же лучше, чем тоска безответного чувства. Да еще и к генералу с веснушками и льдистым взглядом голубых глаз.

– А в чем ты на бал собралась? – хмурится Поэтесса.

Да, раз уж сказка, то до конца. Чтобы невзрачное чучело непременно превратилось в красавицу и укатило с блистательным офицером на блестящем черном автомобиле прямо из серых будней в яркую новую жизнь.

– А у меня много вариантов? – спрашиваю, оттягивая ворот больничной рубашки.

Мудрец кривится и качает головой:

– Кудри тебе нужно накрутить. Нарежем полосок из бумаги, намотаем на них пряди, как мы в детстве делали. Глаза черной ручкой подведем, а губы свежей свеклой покрасим. Ненадолго, но хватит. А когда бал?

Слушаю и смеюсь. Бумага, свекла, ручка – чего только не придумает женщина, чтобы казаться привлекательнее, чем она есть.

– Свекла! Ты серьезно? – тыкаю мудреца локтем в бок. – Все-таки бал у генерала.

– Вот пусть тогда Его Превосходство сам беспокоится о твоём внешнем виде, – улыбается Поэтесса, – но кудри я тебе

все-таки накручу.

Потом встает и кружится в проходе между кроватями. Легкая и счастливая. Я, наверное, никогда ее такой не видела. Поэтесса еще напевает что-то грустное и красивое одновременно:

– Тадам, тадам, тадам, пам-пам. Тада-дада-да-дам, пам-пам. Бал, Мотылек, а там вальс. Ты умеешь танцевать вальс?
– Училась когда-то на курсах, но сейчас в ногах запутаюсь.
– Вставай, – Поэтесса требовательно тянет меня за руку и почти сбрасывает с кровати.

Смеюсь и послушно поднимаюсь. Ей не окажешь. Обнимаю мудреца за плечи и отклоняюсь назад. Соседка ведет, считая вслух шаги, а у меня в голове звучит музыка. Тихая и торжественная. Журчат весенними ручьями арфы, тонкими льдинками переливаются голоса скрипок, теплым ветром дуют медные трубы. Забываюсь, и мы спотыкаемся обе, налетая на кровать.

– Не упади, – радостно восклицает Поэтесса, – места нет. И глаза закрой.

Потираю ушибленную ногу и возвращаюсь туда, где в темноте загадочно горят золотые огни, кружатся пары, скрипит натертый до блеска паркет, а рядом лучший мужчина на планете. Тадам-тадам-тадам, пам-пам.

В сумасшествии есть один отличный момент – можно жить в придуманном мире, не стесняясь, не оглядываться на мнение окружающих и не чувствовать горечи от возврата в

реальность. Ее просто нет. Я танцую с генералом на балу и слушаю прекрасную музыку.

Глава 4. Диагноз

Наилий

Подготовка к балу украла у меня библиотеку. Флавий утонул в звонках, списках, согласованиях и размещении приезжих офицеров в столице. Жалел, наверное, что нельзя провести бал, как Совет генералов – удаленно по видеосвязи. Но молчал и не жаловался. Он никогда не жаловался, чем невероятно злил временами. Хотелось найти хоть что-нибудь, способное вывести лейтенанта Прима из его уверенности и привычки все всегда знать.

Ночь за окном гасила уличные фонари, а я сидел в штабе. Не думал, что так тяжело станет без помощника. Половина задач на мне замкнулась. В бездну длительные переписки ни о чем! В командировку нужно, давно не был. Нагло влезу руководителем в любую запланированную операцию, и нет меня на неделю. Проклятье. Глупо и совершенно зря. Многого жду от осеннего бала, значит, буду терпеть.

Прячу планшет в карман и выхожу в приемную. На столе, положив голову на руки, спит Флавий. Сопит тихо и умиротворенно, как кадет-второгодка после тренировки. Умаялся.

– Лейтенант Прим.

Зову тихо, но либрарий распрямляется пружиной:

– Ваше Превосходство, виноват!

– Отставить, – морщусь я от неуместно бодрого для ночи приветствия, – домой собирайся.

Флавий четко, как по списку, раскладывает вещи по карманам и размеренно чеканит слова:

– Разрешите остаться в штабе. Все машины в особняк давно ушли.

– Со мной поедешь.

Не вижу проблем, но лейтенант опускает взгляд и замирает у стола. Думает всего мгновение, и я слышу самую нелепую причину для отказа:

– Неудобно, Ваше Превосходство.

– Неудобно комбинезон зубами расстегивать, – выговариваю я, разворачиваясь на выход, – поехали.

Флавий давится усмешкой и уходит вслед за мной. В коридорах генштаба осталось только дежурное освещение. Охрана и его бы потушила, не будь я здесь. Нарушаю им режим. Давно могли дремать в подсобке, но приходится ждать на посту, пока генерал мимо пройдет. Водитель тоже сторает от нетерпения. Так сильно домой хочет, что заводит двигатель, едва мы с либрарием выходим из лифта на парковку нижнего уровня. Мне главное самому не уснуть по дороге, вот тогда точно будет неудобно.

Флавий усаживается на край сидения. Отодвинься он еще дальше, и я бы оскорбился. Статус генерала мало чем отли-

чается от статуса прокаженного – ни смотреть, ни трогать нельзя. Двадцать циклов Флавий у меня либриарием, а оказавшись в одной машине, чувствует себя неудобно. Растормошить его хочется так, что я забываю о приличиях, погонах, внимательном взгляде шофера через зеркало заднего вида и вспоминаю про зевоту. Наука доказала почти все, а на рефлекторном дыхательном акте споткнулась. Невозможно объяснить, почему стоит одному бойцу зевнуть, как вся звезда за ним повторяет. Даже сейчас, когда я думаю о зевоте – не могу удержаться. Прикрываю рот рукой, но не отворачиваюсь. Знаю, что либриарий за мной следит, и феномен србатывает. Флавий зевает широко и очень смачно. До слез, выступивших в уголках глаз. Оборачивается на меня и тихо смеется. Так-то лучше.

– Тяжело идет подготовка к балу? – спрашиваю я.

– Я бы не сказал, – пожимает плечами лейтенант, – сроки сжатые, но схемы отработанные. Успеваем, Ваше Превосходство.

Даже не сомневаюсь. Редкий момент, когда что-то можно полностью доверить другому и не переживать. Но в отработанных схемах намечалась одна проблема. Дэлия – мудрец. Официально мертва, засекречена и заперта в медицинском центре, откуда ее даже мне будет не просто достать.

– Флавий, мою спутницу нужно одеть на бал, – говорю тихо, но твердо, будто приказ зачитываю, – выбрать платье, туфли и все, что полагается в таких случаях.

Либрарий застывает, глядя в пустоту. В первый раз нечто подобное от меня слышит. Прежде все мои женщины справлялись с задачей самостоятельно, но у Дэлии такой возможности нет.

– А что полагается? – растерянно переспрашивает лейтенант Прим и вздрагивает, выходя из оцепенения. – Виноват. Сделаю.

Утешить его мне нечем. Я на платья обращаю внимание ровно в тот момент, когда их нужно снимать. Причем интересуют только застёжки, завязки, крючки и пуговицы. За несколько циклов тренировок мастером стал по раздеванию женщин. Даже в полной темноте.

– Ваше Превосходство, разрешите вопрос, – подает голос Флавий. Киваю, и он продолжает: – А какой размер у дориссы?

Понимаю, что конкретные цифры от меня ждёт, но я не знаю.

– Маленькая, худая, весит, как два осколочно-фугасных снаряда для танка.

– Снаряды в платье не нарядить, – деликатно замечает либрарий, и теперь смеюсь я.

– Жди, сейчас узнаю, – обещаю ему и вешаю гарнитуру на ухо.

С планшета набираю номер Рэма. Данные истории болезни мне не светят, но мудрецы не только пациенты, а еще и засекреченные объекты, значит, на них есть досье, а там био-

метрические данные.

– Рэм, отправь Флавию досье на мудреца Мотылька, – говорю, услышав приветствие от главы службы безопасности.

Майор раздумывает, как обычно. Я готов поклясться, что вспоминает пункты Инструкции и мечтает аргументированно мне отказать, но не выйдет. Допуск у либрария почти максимальный. Он ограничен в информации только соображениями целесообразности.

– Сделаю, Ваше Превосходство, – нехотя скрежещет Рэм травмированным горлом.

И раз уж мы на связи, то стоит разобраться с еще одним вопросом:

– Мне нужен мастер-ключ от всех дверей объекта ди два лямбда пять.

Слышу, как майор давится и возмущенно булькает. Не ожидал? Да, я тоже в какой-то мере схожу с ума. И у меня даже есть оправдание. Чувствую, что предатель есть, и очень хочу найти. А для этого нужно выпустить мотылька из клетки.

– Не положено, – хрипит майор.

– А ты достань.

Рэм зажимает микрофон гарнитуры рукой и ругается, вспоминая устойчивые выражения и всех несуществующих богов. Терпеливо жду, пока мысленно вернет меня оттуда, куда послал.

– Есть, – наконец, отвечает майор.

– Не позже завтрашнего утра принесешь в мой кабинет, – распоряжаюсь я. – Отбой.

Убираю гарнитуру в карман и откидываюсь на сидение. Сколько часов осталось на отдых? Не так уж и много. Но лучше провалится в забытие, чем снова видеть яркие сны о близости. Тем более, им пока не суждено сбыться. Боится меня Дэлия и я не знаю, что с этим делать.

С задачей поиска платья либрарий справляется за сутки. Утром докладывает, что готов, и я выхожу в приемную, чтобы взглянуть на результат. Наряд уже упакован в коробку, но я прошу достать. Действительно, бальное платье. Плечи открытые, юбка длинная, вульгарным не кажется.

– А почему бирюзовое? – спрашиваю я, чтобы хоть что-то сказать.

Лейтенант Прим подбирается, как перед докладом, и начинает объяснять:

– У дариссы холодный цветотип, белое или черное платье ей подошли бы лучше всего. Но чтобы наряд не сливался с парадным кителем Вашего Превосходства...

Слушаю и понимаю, что в больничной форме я Дэлию видеть больше не хочу. Что угодно, но только не бесформенные тряпки, пропахшие медикаментами и отчаяньем. Она тусклая в них, будто пламя в старом фонаре с мутными стеклами.

ми. Спрятали огонь, как могли, а он все равно горит.

– Не знаю, какая у дариссы будет прическа, – продолжает либрарий, вынимая из коробки замысловатое украшение, – но решил остановиться на диадеме. Платье закрытое, со стойкой, колье уже не подобрать. Разве что серьги, но я прочитал все досье и не нашел упоминаний о том, проколоты ли у дариссы уши. Раз она в стационаре с шестнадцатого цикла, то могла не успеть. А делать это специально под бал не стоит. Речь не о боли, а о дискомфорте. Привыкнуть к серьгам нужно, а мне не хочется портить дариссе праздник.

Флавий настолько увлечен, что я в шоке. Контейнер с диадемой поглаживает, как настоящее сокровище, трещит без умолку. Слово не знаю, где вставить.

– Уму непостижимо, – вздыхаю я, – когда успел так много узнать?

Либрарий смущается, и бурный поток рассуждений стихает. Переминается лейтенант с ноги на ногу и сознается:

– С разведчиками созвонился, Ваше Превосходство. Они меня к специалисту и отправили. Оказывается, есть у нас внедренцы – знатоки моды. И мужской, и женской в том числе. Легенды разрабатывают, аналитические справки готовят. В общем, я сначала лекцию послушал, а потом почитал материалы и вот.

Хочется присвистнуть, цокнуть языком или еще как-то выразить восхищение обстоятельностью либрария. Основательно подошел к вопросу, хотя мог схватить первое попав-

шеся платье, и я бы промолчал. Но ему, кажется, самому понравилось. И шутки тут неуместны. Если бы все так относились к поручениям генерала, то на мне шрамов бы осталось вполовину меньше.

– Спасибо, Флавий, – благодарю и забираю упакованный наряд.

До объекта ди два лямбда пять лечу на катере. Охрана узнает генерала, и, пока я паркуюсь, главный врач выходит встречать. Нервный тик, наверное, заработал за неделю. Командир полцикла не интересовался делами, а теперь прилетает в третий раз. Дроны-уборщики на износ работают, санитаров Летум каждый день муштрует. Ничего. Его сонному болоту встряска только на пользу пойдет. Все небоевые подразделения нужно регулярно бодрить проверками.

– Ваше Превосходство, – приветствует главврач, с удивлением уставившись на коробку в моих руках.

– Капитан Дар, я могу поговорить с одним из ваших мудрецов?

– Конечно, – расплывается в улыбке Летум, – в моем кабинете будет удобно?

– Вполне.

Не спросил с кем именно, но приведет Дэлию. Будет деликатно молчать и оставит нас вдвоем без лишних просьб. Дело не в мужской солидарности. Пока капитан уверен, что я приезжаю ради женщины, он не ждет подвоха со стороны службы безопасности. А зря. Прикрою к дарлибовой ба-

бушке это заведение, повод только придумаю. Задачу ставили вынуть из мудрецов как можно больше полезного, а психиатры увлеклись терапией. Лечат всех подряд. Даже тех, кого не нужно.

Из кабинета главного врача исчезла часть мебели. Испугался Летум, засуетился. Хорошо, но поздно, и пока не до этого. Я прошу отодвинуть столы для совещаний к стене и освободить центр кабинета. Пока санитары шоркают ножками мебели о паркет, капитан Дар приводит Дэлию.

– Ваше Превосходство, – холодно и отстраненно говорит мудрец, а меня дергает. Дэлия уже звала меня по имени, почему снова обращается официально? Понимаю, что вокруг слишком много посторонних, но все равно неприятно. Санитары исчезают бессловесными тенями, Летум закрывает за собой дверь и я делаю шаг к хрупкой и трепетной, как стебель травы, дариссе:

– Дэлия.

Она складывает руки за спиной и вытягивает спину. Уже не отступает назад, но и не подходит ближе.

– Наилей, я могу быть вам полезной?

Ах, вот почему. Думает, что я снова буду спрашивать о предателе, и только ради него приехал. Достаяю из кармана планшет и ставлю на всю его громкость мелодию вальса. Редкая композиция, даже не с нашей планеты. Был в командировке на Эридане, играл один музыкант на арфе так, что я улететь оттуда никак не мог. Его самого забрать с собой нель-

зя, но музыку можно.

– Мы с вами открываем бал, и от вальса никуда не деться, – тихо говорю под звенящие горными ручьями ноты арфы, – я не самый лучший танцор, поэтому желательно отрепетировать.

Переливы звучат чаще и сочнее. Как поток, разбившийся о камни на отдельные струи. Каждая со своим голосом и характером, но все одинаково холодные. Дэлия будто не слышит. Стоит и не решается подойти ближе. Терпение тает, я боюсь сорваться. Камера в кабинете одна, собью выстрелом из бластера, дверь стулом подопру, не войдет никто. А кричать мудрец не будет, я поцелуюем ей не позволю.

Нет, нельзя так! Тьер, что происходит? Я качаюсь из стороны в сторону и прижимаю безымянный палец к ладони, пережидая вспышку. Голову потерял от желания, давно со мной такого не было.

– Я танцую совсем плохо, – Дэлия вздыхает и идет ко мне. – извините, если буду наступать на ноги.

Мудрец смотрит куда-то на пятый карман комбинезона, но руку мне на плечо кладет уверенно. Обнимаю и прижимаю к себе, чувствуя, как вздрагивает от смущения. Совсем юная, чистая, невинная. Не нужна история болезни, я и так знаю, что никто из мужчин не прикасался прежде. Я первым буду. Сознание снова плывет, кровь по венам бежит, гоняя волны жара, как от глотка Шуи. Я забываюсь и ладонь со спины Дэлии кладу на бедра.

– Наилей, – шепчет мудрец, – вы неправильно руки держите. Для вальса нужно вот так.

Смелеет и поправляет меня, а я прячу улыбку и бормочу извинения. Музыка вокруг плещется волнами степного ковыля, дышит и поет. Делаю шаг, увлекая за собой легкую, как пушинка, Дэлию. Кружусь по кабинету, скорее чувствуя, чем замечая стулья, столы. Светило выходит из-за туч, проливаясь светом через высокие окна. Воздух чистый и прозрачный, а я как в тумане. Не вижу ее, нельзя смотреть в вальсе на партнершу, только нести бережно по паркету под мелодию арфы. Круг за кругом, шаг за шагом. Не боится, теперь знаю. Доверчиво прижимается и подстраивается под мои широкие движения. Словно не первый бал предстоит, а сотый. Так долго вместе, что ни слов, ни взглядов не нужно. Вечность на двоих, в которой мне осталось так мало. Я буду пить ее маленькими глотками, пока еще хожу по планетам. Десятки миров, тысячи лиц, а смотреть хочется на одно единственное. Запись кончается, планшет шипит тишиной. Замираю, все так же держа в объятия Дэлию. Нужно отпустить. Сейчас.

– Спасибо, прекрасный танец, – тихо говорю ей и отступаю на шаг назад.

– Вы строги к себе, как к танцору, – улыбается мудрец, – но я рада этой репетиции.

Мелодия еще тянется внутри, а на руках тепло девичьего тела. Теперь я пропах медикаментами и отчаяньем. Что

мне сделать, чтобы забрать ее навсегда? Никакой больничной формы, врачей, санитаров. В бездну инструкции, коллегую, историю болезни. Но реальность держит крепко. Танец с бумагами и разрешениями нужно исполнить до конца. Хотя я могу позволить себе несколько лишних па:

– Я привез вам платье, Дэлия, – протягиваю ей пакет с подарком, – и мастер-ключ. Он открывает все двери в центре. Завтра после ужина собирайтесь и выходите на территорию. Оттуда вас заберут на бал.

Мудрец принимает пакет и удивленно смотрит на пластиковую карту ключа. Думает, наверное, что наглым генералам можно все. Увы, нет. Иначе не было бы осеннего бала весной, истории с поиском предателя и репетиций. Женщину можно взять, но очень тяжело завоевать.

– Я приду, – кивает мудрец, – до встречи, Ваше Превосходство.

– До встречи.

Я дарю ей поцелуй вежливости и ухожу. Скорее в холод коридоров, чтобы тонкий аромат девичьего тела не мучал так сильно. Нелегко прийти в себя. На парковку я добирюсь, не помня дороги. Падаю на кожаный ложемент катера и опускаю крышу. Гарнитура пищит. Всегда не вовремя.

– Слушаю.

– Наилей? Я узнал, что ты просил, – Публий всегда начинает без лишних вступлений. – Психиатрический диагноз Мотылька можно оспорить. Тем более симптомов мало и они

слабо выраженные. Нет их почти.

Не спешу радоваться, хотя очень хочется. Если диагноз снять, то все проблемы исчезнут, но военврач продолжает.

– Однако голос в голове она слышит на самом деле. Вступает с ним в диалог и считает помощником. Даже имя ему дала. Юрао.

Рубашка прилипает к телу под комбинезоном. Индикаторы в салоне катера сливаются в цветное месиво и закручиваются каруселью.

– Я бы хотел сказать, что она здорова, но не могу, – припечатывает Публий. – Понимаешь, нельзя быть немножко беременной. Шизофрения либо есть, либо нет. У Мотылька есть.

Я понимаю, что это значит. Приступы, рецидивы, обострения, ремиссии. Зависимость от препаратов, настроения, погодных условий. Бесконечная пытка для себя и окружающих, а итог всегда один – полное разрушение личности. Смерть с открытыми глазами.

– Мне жаль, Наилий.

Уже не слышу, смотрю на тонкие контуры карты города на стекле. Линии сплетаются и расходятся. Целое распадается на части. Я разваливаюсь на куски.

– Наилий, мне не нравится, как ты молчишь...

– Сорок циклов разницы, Публий, – отвечаю ему, чувствуя как меня прорывает, – когда я под выстрелы лез от одиночества, она еще даже не родилась. Представляешь? Пле-

вал я на диагноз, катитесь все в бездну! Отбой!

Швыряю гарнитуру в стекло. От ранений не кричу, а сейчас не сдержаться. Долго, протяжно, выливая боль. Чтобы не осталось ничего кроме видения хрупкой девушки в белой больничной форме.

Глава 5 . Побег

Дэлия

С утра хожу в платке, пряча накрученные на бумагу волосы. Поэтесса настаивает, что чем дольше ждать, тем крепче кудри. Не спорю. Раздражают уже приготовления, но я терплю. Не хочется выглядеть на балу чучелом рядом с генералом. Я поняла, насколько все серьезно, когда увидела платье из бирюзового шелка и туфли на высоком каблуке. На них стоять невозможно, не то что танцевать. Три раза обувала и ходила по карцеру, чуть не подвернула ногу и всерьез испугалась, что хромая на бал не дойду, а ведь еще работать нужно.

«Я бы помог, но ты решила обойтись без меня», – дуется паразит.

«С тобой тяжелее будет, я сама. Хорошо?»

Главное ничего не забыть. Несколько сотен офицеров с именами, званиями и привязками. Несуществующие боги, на что я согласилась? Но отступать поздно. Не могу я подвести генерала.

– Мотылек, – скребется в дверь карцера Поэтесса.

Его отремонтировали и нас с соседкой расселили. Места,

конечно, стало больше, но и скучнее в разы. Кому я теперь буду изливать душу?

– Рано собираться, – ворчу я, открывая Поэтессе дверь. – Децим еще бродит где-то здесь.

– Занят твой надзиратель, – лукаво улыбается мудрец. – Я натравила на него Конспиролога. Не за просто так, разумеется. Обменяла страшную тайну на три часа беседы со старшим санитаром.

– Знаешь, чем его взять.

Соседка продолжает, но уже не так уверенно:

– Про твой побег на бал пришлось рассказать.

Проклятье! А вот на это я не рассчитывала!

– Конспиролог поклялся молчать, – частит Поэтесса, забивая мои возмущенные вздохи и слова не давая вставить, – а хранить секреты он умеет лучше, чем их взламывать.

На такое слепое доверие я не знаю, что сказать. Наши на то и наши, чтобы держаться друг за друга, но паника все равно разгорается. Если санитары схватят меня с мастер-ключом у дверей служебного выхода, то не будет ни бала, ни генерала, ни поиска предателя. Себя накажу и Наилия подставлю.

– Не переживай, Мотылек, – гладит по плечу Поэтесса, – все будет хорошо. Сейчас нарядим, причешем, накрасим, и сбежишь к своему генералу.

Уходить придется в платке и припрятанном заранее халате. Хорошо, что платье не слишком длинное, можно спрятать. Главное, по коридору мимо камер проскочить. Соседка

шуршит прямо над ухом, разматывая бумажки и поправляя кудри. Мелкими получились. Оттягиваю пружинку и придирчиво рассматриваю.

– Да ровная она, аккуратная будет прическа, – шепчет Потесса, – понравилась генералу.

Еще неделю назад фыркнула бы возмущенно, а сейчас молчу. Бесстыдно прижималась к Наилию во время репетиции, до сих пор помню тонкий аромат парфюма. Что-то цветочное и свежее одновременно. Никак не угадаю. Думала, вспоминала, а перед глазами только белый горный цветок. Эдельвейс из легенды. Но Наилий не похож на безрассудного юношу. Он никогда не прыгнет в пропасть, чтобы завоевать чье-то сердце. Зачем? Любая женщина и так упадет в объятия, стоит поманить. Он сам, как горный пик. Одинок и скованный льдом. Меня даже к подножию не подпустят. Не его уровня, не его круга. К тому же со страшным и позорным диагнозом. Зря размечталась, дурочка. Наслушалась переливов арфы и вообразила невесть что. Показалось на миг, что не безразлична хозяйину сектора.

Он кружил меня в вальсе так легко, и с ним не страшно было сбиваться с шага. Знала, что не отпустит и не даст упасть. Я обнимала генерала и слушала, как бьется сердце. Ровно и размеренно. Музыка увлекала все дальше, вместо кабинета главврача чудилась поляна на холме, где пахло травами и луговыми цветами. Птицы клевали росу, а я вынимала сухие травинки из волос Наилия. Он смотрел в небо,

я смотрела на него и тихо рассказывала про маленький дом у реки, сад, апельсины в зеленой листве. Было так легко и спокойно, будто не мы танцевали вальс, а кто-то другой, чью судьбу я просила у Вселенной.

– Ну, вот и готово, – радостно говорит Поэтесса, выдергивая меня из фантазий. Кудри падают на лицо, и я прячу улыбку с привкусом горечи.

– Спасибо, дорогая.

– Не за что, – отвечает мудрец и целует меня в макушку, – а теперь одевайся.

В застежках и лямках платья еле-еле разбираемся вдвоем. До чего же замысловатая конструкция! Инженер шил платье, а не портной. Спина голая, а ткань на груди держится цепко.

Когда разворачиваем юбку, из складок ткани выпадает стыдливо припрятанное кружевное белье. Только низ, верха меня лишили. Я вспыхиваю от смущения и пресекаю все попытки Поэтессы пошутить над тем, кто его покупал. Точно не Наилий. поручил, наверное, какой-нибудь женщине. Она все предусмотрела. Над диадемой с крупными камнями мы с соседкой замираем с открытыми ртами, а потом находим в пакете пенал с косметикой.

– Феноменальная организация бала, – восхищенно шепчу я, – даже женщину генерала одели на высшем уровне.

– Так и должно быть, Мотылек, – приходит в себя Поэтесса, – офицеры собираются на праздник один раз в цикле. Могут себе позволить все самое лучшее.

Проглатываю замечание, что не праздновать туда иду, а предателя искать. Не хочется расстраивать взволнованную соседку. Больше меня грезил балом.

Прощаюсь с Поэтессой и, запахнув халат, выхожу в коридор. Голову не наклоняю, держусь, как можно свободнее, и не спешу. Охранники привыкли к праздно шатающимся фигурам, а вот на бегущего пациента обязательно обратят внимание. Наконец, слепая для камер зона. Я так быстро прикладываю мастер-ключ к считывателю замка, что не успеваю понервничать, сработает или нет. Лампочка загорается зеленым – доступ разрешен. Моя сказка начинается с торопливого спуска по ступеням служебной лестницы. С прохладного вечернего воздуха из открытой двери запасного выхода. С осторожных шагов по газону до темнеющих вдали зарослей кустов.

– Дарисса, – окликают меня оттуда. Ныряю в листву и по силуэту в сумерках угадываю военного, – меня зовут Гелиус. Поторопимся, забор далеко, а идти до него пешком.

Гелиус тянет за руку. В темноте я запинаясь обо все, что можно. Какое счастье, что не надела туфли. Осталась бы без бальной обуви. Побег заканчивается у забора военного центра, и я с ужасом вспоминаю, что сетка под напряжением.

«Спокойно, – ворчит Юрао. – Это не твои проблемы».

Паразит прав. Гелиус – не единственный похититель. За забором ждет машина, а рядом еще трое военных. Все сосредоточенные и сердитые.

– Долго ходишь, – возмущается один из них, – мы торчим тут, как пятно на комбинезоне.

– Виноват, лейтенант Род, а что с забором?

Военный достаёт из-за спины обрезок арматуры, и вполголоса объясняет:

– Забор стандартный, без наворотов. Замыкание сделаю, автоматика вырубит напряжение. Подсаживаешь дариссу, мы ловим. Две минуты у тебя будет, не больше, потом напряжение снова подадут и вышлют наряд охраны. Не успеешь, привезем генералу поджаренный труп. Все ясно?

– Так точно.

Пока они разговаривают, я от шока кусаю согнутый палец. Знала, что у военных все лихо, но не думала, что настолько. Пугают ведь. Несуществующие боги, пусть это будет злая и глупая шутка! Но по тому, как рядовой примеривается к забору, как просчитывает, с какого места толкать меня вверх, уже ясно, что всерьез все. С другой стороны тоже готовятся. Двое приседают, а третий забирается им на спины.

– Вам нужно сделать так же, дарисса, – говорит Гелиус, – ждите команды и держитесь за меня.

Встает на одно колено спиной ко мне и подает руку. На акробатический номер я не подписывалась, но деваться некуда. По команде прут летит в забор и вспыхивает в сумерках ослепительными искрами. Когда шипение стихает, звучит еще одна команда, и Гелиус подбрасывает меня вверх прямо в руки к лейтенанту. Визжу от ужаса недостойным для

мудреца образом. Кажется, что подол халата касается забора, но все благополучно. Меня ставят на землю, и я еще несколько ударов сердца не могу отпустить своего похитителя.

– Теперь ты, Гелиус, – строго говорит лейтенант, – лови второй прут и делай еще одно замыкание. Оно будет длиться вдвое дольше, успеешь спокойно перелезть.

Снова «есть» от рядового, а меня уже настойчиво приглашают сесть в машину. Даже посмотреть не дают, сработала ли автоматика еще раз. Все ли благополучно? Похититель жив? Я слышу шипение и треск, но водитель заводит мотор и перекрывает звук. Живой и невредимый Гелиус запрыгивает в машину почти на ходу.

Ох и наделал мой побег шума. Искать будут, скандала не избежать. А значит, утро после бала я встречу в настоящем карцере на первом этаже. Где стены обиты искусственной кожей с мягким наполнителем внутри. Сколько ни бейся головой – вреда себе не причинишь. Наверное, там меня и оставят в наказание, а других мудрецов со второго этажа я больше не увижу. Печально, конечно, но у сказок только в книгах счастливый финал.

Внедорожник везет нас в город, военные лениво переговариваются на непонятном жаргоне, а я украдкой разглядываю через окно вечернюю Равэнну. Столица пятого сектора, несколько миллионов жителей, высотки, царапающие шпилями небо. Столько шума, что я теряюсь. Музыка льется из открытых дверей баров и магазинов, трубят гудки автомоби-

лей, и едва слышный поет ветер. Синоптики утром не обещали холод, но деревья тревожно качают ветвями, а прохожие кутаются в воротники пальто.

– На парковку заезжаем? – спрашивает водитель.

– Да, должны запустить, я договорился, – отвечает лейтенант.

Внедорожник спускается на подземную парковку под монументальным зданием генерального штаба. Часто вижу главное здание Равэнны в выпусках новостей и Наилия на трибуне, а раз в год генеральных штаб принимает осенний бал. Запоздало вспоминаю о видеосъемке. Проклятье! Камеры, репортеры, прямые включения. Грандиозное событие и я где-то в толпе с пустым от рабочего процесса взглядом. А если меня узнают тетки, родственницы, родная мать? Для них я – самоубийца. Давным-давно сожженная и оплаканная. Зачем обо мне вспоминать?

Нервно комкаю край халата и надеюсь, что статус военной тайны не пропустит меня в эфир. Но что тогда будут показывать вместо первого танца? Или на монтаже потом лицо спутнице генерала замажут?

«Не твои проблемы, – повторяет паразит. – Генерал втянул тебя в авантюру, так пусть его служба безопасности расхлебывает последствия».

«Они расхлебают», – морщусь я и от волнения едва дышу. Раздеваться нужно, снимать маскировку. Халат, платок и тапочки забирает Гелиус, прошептал, что так нужно. Я

надеваю туфли и торопливо поправляю диадему в прическе. Сказка начинается. Простая девушка с рабочей окраины идет на бал.

Рядовые вежливо прощаются и остаются в машине, до лифта по парковке меня ведет лейтенант. Пахнет отработанным топливом, тускло горят лампы дежурного освещения и паразит вылезает с комментариями:

«Ну и дыра»

«Обычный служебный вход. Ты ожидал отделку золотом и лепнину у потолочных балок?»»

Он сам не знает, чего ждал. Коридоры нижних уровней генштаба так сильно напоминают служебные глубины медицинского центра, что я себе чувствую почти дома. Наконец, расправляю печи и улыбаюсь. Впервые верю, что все получится.

Перед дверью с электронным замком лейтенант переводит дух, поправляет воротник рубашки и наглухо застегивает комбинезон. Идеальнее некуда, но он еще и волосы аккуратно приглаживает. Генерал ждет за дверью, сомнений нет. Замок тихо пикает, подмигивая зеленой лампочкой, и сквозь дверной проем льется яркий свет.

– Проходите, дарисса, – вежливо просит лейтенант.

Шагаю через порог и замираю. Небольшая комната напоминает рабочий кабинет. Стол, стулья, шкафы. Ощущение ломают вешалки с одеждой и огромное зеркало с подсветкой. На вращающемся стуле сидит Наилий в черных брюках от

парадной формы и рубашке. Рядом, опираясь о стену, стоит капитан в парадном кителе. Погоны и эмблемы расшиты золотом, воротник и манжеты с изумрудными вставками. Разведчик.

– ...местность сильно пересеченная, ни дронов, ни бойцов далеко не пошлешь, – говорит он и оборачивается.

Мгновение трое военных смотрят только на меня и в кои то веки не стыдно за то, как выгляжу. Поднимаю подбородок и улыбаюсь:

– Ваше Превосходство.

– ...объект доставлен, – подхватывает лейтенант из-за спины, но генерал не обращает на него внимания.

Хмурая складка на переносице разглаживается. Наилей замирает, не застегнув манжеты рубашки и не обернувшись ко мне до конца. Только вечно ледяные глаза горят открытым пламенем.

– Свободен, лейтенант, – в полголоса командует капитан разведки.

За моей спиной слышен скрип ботинок и щелчок закрывшегося замка. Капитан, уже не таясь, следит за реакцией генерала.

– Тьер, – наконец выдыхает Наилей.

– Согласен, Ваше Превосходство, – широко улыбается разведчик, – ослепительная красота дариссы затмевает разум, и слов никак не подобрать.

Капитан идет ко мне и берет за руку, даря поцелуй веж-

ливости:

– Позвольте представиться, Гней Ром.

– Дэлия.

Собственный голос будто издалека, а я уже в облаке привязок. Много на разведчике зеленых ниток, и почти все реализованные. Черные тоже есть, но не к Наилию. Фиолетовая «сюзерен – вассал» крепкая и без перевитий. Чист помыслами и в предательстве не замешан.

– Я свободен, Ваше Превосходство?

– Да, – отвечает генерал, – можешь идти в зал, я буду во время. Позже закончим.

Капитан прощается сначала с Наилием, а потом со мной кивком головы. Отвечаю тем же жестом и чувствую, как съезжает диадема.

– Ее можно снять, если мешает, – предлагает генерал.

– Там шпильки... я поправлю, – бормочу и путаюсь пальцами в кудрях.

Не замечаю, как Наилий оказывается рядом, но тону в аромате эдельвейса. Без формы он совсем другой. Мягче и ближе, как тогда на репетиции. Верхние пуговицы рубашки расстегнуты, а мне хочется вынуть из петель остальные. Коснуться подбородка, шеи, скользнуть ладонью по груди. Неловко так, что глаз не поднять. Давно знаю о своем влечении к генералу, как к мужчине, и мучаюсь. Страсть ярка, скоротечна и приходит первой. Лишь потом в зеленый жгут вплетается розовая нить. Свою я заметила вчера, когда ухо-

дила из кабинета главного врача пьяная от музыки и мужских объятий. Влюбилась в первый раз в жизни. Не в образ на плакате, не в далекий идеал, а в живого и настоящего Наилия. Теперь намного тяжелее. Бал закончится, а я буду помнить каждый жест и каждое слово любимого мужчины даже через несколько циклов.

– Давай помогу, – он тянется к диадеме и ловко фиксирует украшение шпильками.

А потом опускает руки и задерживает их на моих плечах. Молчит, будто с духом собирается. Генерал волнуется?

– Дэлия, когда мы появимся в зале вместе, все будут уверены, что ты – моя любовница. Даже если я официально это опровергну – не поможет.

Поздно страдать по репутации, стоя в бальном платье рядом с Его Превосходством. Слухи будут тянуться шлейфом за моими воспоминаниями, но угаснут гораздо раньше.

– Так нужно для дела, – уверенно отвечаю генералу, – я не возражаю.

– А если забыть о предателе? – тихо спрашивает Наилий. – Если представить, что я пригласил тебя на бал и назвал своей, ты бы согласилась прийти?

Пол уходит из-под ног, комната шатается и уплывает туманом сквозь пальцы. Я словно в нигде, и мир мой нереален. Должна сказать нет, но я схожу с ума. На это раз всерьез, потому что падаю в бездну и не могу очнуться. Сквозь сон, который не должен сбыться, отвечаю:

– Да.

Глава 6. Осенний бал весной

Наилий

Воротник у парадного кителя жестче браслетов заключенного. Голову опустить невозможно, да мне и нельзя. Взгляд только вперед, спину прямо, подбородок выше. Иду сквозь полумрак коридоров, слушая стук каблуков притихшей Делии. Вдалеке играет музыка. Еще не такая торжественная и помпезная, но скоро все изменится. Минуты до открытия бала тают. Все офицеры в зале и ждут нас. Скоро на их и наши головы обрушатся киловатты света и децибелы звука. Ярмарка тщеславия в блеске наград и золоте погон. Высший командный состав пятой армии, а где-то среди них предатель и, скорее всего, не один. Я привык к паранойе, почти перестал обращать внимание, но мудрец рядом со мной кусает губы и нервно сжимает кулаки. Безумие, знаю, и уже стыдно за то, что втянул ее в это. Я беру Делию за руку и говорю, наклонившись ближе:

– Не бойся, я буду рядом.

Она поднимает на меня огромные голубые глаза и задумчиво кивает, а я считаю секунды по ударам сердца и слышу, как в зале произносят в микрофон мое имя:

– Наилий Орхитус Лар!

Помогайте, несуществующие боги. Еще один бал. Рядовые открывают тяжелые двери, и на нас волной цунами обрушиваются аплодисменты. Воздух вздрагивает от первых нот вальса, а потом волна стихает и откатывается назад в толпу. Меня они видят постоянно, а мудреца впервые. Дэлия плывет по залу, встречая удивленные взгляды. Подает мне руки, как на репетиции, и отворачивается с изящным наклоном головы. Ни испуга, ни скованности, а пламя в ней разгорается ярче с каждым новым поворотом и кругом.

Блики от хрустальных капель на люстрах переливаются рябью на зеркальном паркете, лица сливаются в бушующее море, а я думаю только о том, как удержать в руках и не отпустить. Украсть, спрятать и никому не отдать. Оркестр играет кульминацию на верхних нотах с сильной долей такта. Звучит каждая скрипка, труба и виолончель. Музыка прибором разбивается о скалы и опадает вниз, постепенно затихая к последней ноте. Отпускаю Дэлию из объятий с сожалением, но держу за руку, поклоном завершая танец.

Без паузы и передышки звучит следующий вальс, в центр зала выходят пары, а я аккуратно увожу мудреца. Камер здесь – необходимый минимум, и операторы получили приказ снимать меня как можно меньше, а мою спутницу только со спины. Если понадобится, то в эфир пойдет картинка с прошлого бала. Тот же зал, лица в толпе и китель мой парадный – тот же самый. Нелегко держать у всех на виду во-

енную тайну, Рэм коршуном летает в режиссерской будке, зорко следя, чтобы ни одна улыбка Дэлии не попала в прямую трансляцию. А записи мы, как обычно, изыдем и смонтируем.

– Ваше Превосходство, – окликает меня Клавдий Тит.

Майор авиации со своей женщиной. Десятый цикл одна и та же. Скромная, но держится с большим достоинством.

– Майор Тит, – приветствую я офицера и касаюсь поцелуем вежливости руки его спутницы, – дарисса.

Она в перчатках, как большинство дам, но в наряд Дэлии они не входит. Мудрецу нужен физический контакт. Клавдий тоже касается поцелуем узкой ладошки и замирает, глядя в глаза моей женщины. Она улыбается, но смотрит даже не мимо, а куда-то вглубь себя. Работает. Проклятье, не думал, что со стороны будет так заметно.

– Вы разобрались с аварийной посадкой новых патрульных катеров? – оттягиваю на себя внимание вопросом, и пока майор докладывает, Дэлия возвращается в реальность.

Долгие разговоры о службе на балу под запретом, поэтому мы с Клавдием прощаемся быстро. Мимо проносят поднос с бокалами Шуи, и я отказываюсь. Без ягоды сегодня голова кругом.

– Успешно? – шепотом спрашиваю мудреца.

– Вполне. Майор Тит чист.

– Как ты это понимаешь?

Пользуюсь тем, что совсем рядом танцующие пары и под-

держиваю Дэлию за талию, закрывая спиной от неловких ударов локтями.

– У предателя должна быть черная привязка на смерть к вам...

– К тебе, – поправляю я, и мудрец не возражает.

– ...к тебе, а когда в заговоре не один, то еще и посторонняя фиолетовая нитка к организатору.

Музыка скрывает слова, но даже если к нам кто-то прислушивается, то все равно ничего не понимает. Умеют мудрецы выражаться так, что рядом с ними себя чувствуешь психом.

– Ваше Превосходство, – раздается за спиной голос Летума Дара, главного врача центра.

Оборачиваюсь, отвечая на приветствие и чувствую, как Дэлия нервничает, но сбежать не пытается и за меня не прячется. Оказалось, легче бал перенести, чем согласовать увольнительную для Мотылька на один вечер. Каких я только отговорок не прочел в официальных отказах. Пациент с диагнозом шизофрения, находящийся на лечении в стационаре, опасен для себя и окружающих. И Публий ничего не смог сделать. Пришлось организовывать похищение и теперь Летум сдерживает мучительные стоны, разглядывая свою пациентку. Сколько времени прошло с момента объявления тревоги? Пациент сбежал и тишина. Мне никто не доложил, значит, наверх сообщение не пустили. Бардак с дисциплиной на объекте ди два лямбда пять. Точно расформи-

рую.

– Дарисса, – главврач целует руку Мотылька и широко улыбается.

– Капитан Дар, рада встрече.

Дэлия выдыхает и успокаивается. Взгляд не меняется. Верно, зачем ей смотреть того, кто и так постоянно рядом? Поспешно прощаюсь и увожу ее в сторону, замечая, как Летум вешает на ухо гарнитуру. Да, отбой тревоги.

Следующие встречи не такие нервные. Мудрец привыкает и тратит меньше времени. Уже не удивительно, что уверенно держится и даже иногда участвует в разговорах на отвлеченные темы. Но устает действительно быстро. Спасает все тот же бал и вальс. Чувствую себя предателем. Давно не интересно, найдет ли Дэлия что-нибудь, а мысли крутятся вокруг хрупкой девичьей фигурки. Лучшего момента не придумаешь, но бездна, как ее соблазнить? Касаюсь голой спины в вырезе платья и теряюсь. Пока здесь в толпе еще держусь, а что будет, когда останемся вдвоем? Демоны не так страшны, как лишаящее рассудка желание. Тягучее, сладкое, как патока. Увязну, не смогу себя контролировать. Груб буду, а с ней так нельзя.

– Наилий, можно мне воды?

Голос робкий и в огромных голубых глазах искрами отражается свет. Забываю, что обнимаю на глазах у всех. Чистая до прозрачности горного ручья, и я рядом со всей своей изнанкой.

– Да, конечно. Пойдем к столу с напитками.

Мальчишкой себя чувствую, руки дрожат от волнения. Давно не пил Шуи для храбрости, стоит попробовать.

Дэлия

Тону в море цветного шифона, атласа, кружева, слабею от работы и боюсь забыть что-то из увиденного. Бал кружится вокруг, ослепляет огнями, я теряю ощущение времени и пространства. Кажется, что офицеры не закончатся никогда, а я иду по второму кругу. Паразит давно выдохся и молчит. Иссякли колкие замечания и едкие шутки. То ему наряд дариссы не по вкусу, то семейные отношения вызывают недоумение. Разборчивый какой. Возле стола с напитками все та же суэта, с тревогой жду очередного разговора, почти слышу: «Ваше Превосходство», но Наилий берет два фужера, умудрившись остаться незамеченным. В одном вода, а в другом алый напиток из Шуи.

– Я не спросил, может быть, – генерал показывает фужер с Шуи.

– Нет, – качаю головой, – я сейчас, как стакан, переполненный образами, боюсь пошевелиться, чтобы не расплескать.

На самом деле я боюсь ночных кошмаров после глотка напитка из наркотической ягоды, но Его Превосходству о та-

ких особенностях знать нельзя. Хватит диагноза.

Наилий хмурится, но уговаривать не спешит. Забираю фужер с водой и жадно выпиваю залпом, даря блаженство пересохшему горлу. От духоты спасает климат-система, а от усталости ничего.

– А пробовала когда-нибудь? – спрашивает Наилий и делает глоток напитка. Представляю, как сейчас первая волна жара от Шуи течет по его венам, разливаясь приятным туманом в голове, и успокаивает расшатанные нервы. Завидую, ощущая фантомный привкус. Терпкий с легкой кислинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.